

отставку, то за нимъ числилось нерѣшенныхъ уголовныхъ дѣлъ семьдесятъ два. Помня его щедрое даваніе, чины, на которыхъ лежала обязанность разбирать отцовскія дѣла, затянули ихъ такъ, что отецъ съ ними отправился на тотъ свѣтъ. Надо замѣтить, что отецъ былъ до того не благообразенъ, что когда явился представляться губернатору Дену, то тотъ, не давъ говорить отцу, крикнулъ:

- Ты, звѣрообразная рожа, кто?
 - Становой, ваше превосходительство.
 - Вонъ! Въ двадцать четыре часа въ отставку!
-

Едва ли кто изъ сторожилъ Курска можетъ сказать о Курскомъ полиціймейстерѣ П. П. Л., что онъ бралъ взятки, то въ доброе старое времячко было зауряднымъ явленіемъ. Покойнаго П. П. можно было встрѣтить всегда улыбающимся, веселымъ. Встрѣчая знакомыхъ П. П., пожимая имъ руки крѣпко повторялъ: очень радъ, очень радъ, иногда даже не у мѣста.

Покойная императрица Марія Александровна проѣздомъ изъ Крыма ночевала на курскомъ вокзалѣ въ вагонѣ поѣзда. П. П., получивъ отъ ея имени перстень, неотлучно дежурилъ на вокзалѣ. Раннимъ утромъ графиня Орлова, фрейлина покойной императрицы, старушка преклонныхъ лѣтъ, выглянула изъ окна вагона. П. П., поспѣшно подойдя къ окну, поздравилъ графиню съ добрымъ утромъ.

— Спасибо, мой батюшка, спасибо—тягуче, старческимъ голосомъ проговорила графиня.

— Очень радъ, очень радъ, ваше сіятельство, очень радъ.

— Вы бы, ваше сіятельство, пока государыня почиваетъ осчастливили своимъ посѣщеніемъ нашъ городъ.

— Знаю я вашъ Курскъ, знаю...

— Очень радъ, очень радъ, ваше сіятельство.

— Остался онъ у меня въ памяти.

— Очень радъ, очень радъ.

— Когда мы съ императрицей проѣзжали его на лошадяхъ до желѣзной дороги...

— Очень радъ, очень радъ!...

— Ну и мостовыя ваши... Онъ и теперь памятенъ, мнѣ.